

На мужественном лице Гу Цинсю застыло весьма красноречивое выражение, которое было трудно описать словами.

«Приятные слова» Инь Чжоу невольно заставили его вспомнить те прикосновения: кончики пальцев юноши то едва касались его кожи, то надавливали сильнее, словно актёр вдумчиво выводил невидимые иероглифы на напряжённых мышцах его пресса. Это было за гранью обычного массажа — такие касания будоражили воображение и пробирали до самого нутра.

Оставалось лишь радоваться, что Инь Чжоу тоже был Альфой. Будь на его месте Омега, подобные действия и речи нельзя было бы истолковать иначе как намеренное и весьма искусное соблазнение.

— Учитель Гу, вы довольны? — Инь Чжоу наконец убрал руку со своей шеи; к счастью, зуд в области железы на время утих.

Гу Цинсю сделал глубокий вдох, стараясь успокоиться, и вместе с выдохом вытолкнул из себя остатки досады. Он всё ещё сидел на полу. Рука, которой он прежде прикрывал шею партнёра, теперь покоилась на колене согнутой правой ноги, перепачканная зелёным соком трав. Другой рукой он опирался о землю, слегка отклонившись назад.

— А ты как думаешь? — вопросом на вопрос ответил он.

В этой позе, облачённый в лёгкий генеральский доспех, Альфа выглядел одновременно расслабленным и властным. В его спокойном взгляде читалась снисходительность опытного хищника.

Инь Чжоу внимательно изучил его лицо:

— Кажется... вы не слишком впечатлены?

Гу Цинсю опустил взгляд на руку юноши, которая всё ещё лежала рядом с его талией.

— У тебя что, фетиш такой — щупать прессы других Альф?

Инь Чжоу на мгновение замер, тут же отдернул руку и выдал целую серию отрицаний:

— О чём вы?! Вовсе нет! Я правда не извращенец.

Гу Цинсю коротко усмехнулся:

— Не извращенец? И кто же, кроме тебя самого, в это поверит?

— Обидно слышать. Неужели я в ваших глазах настолько пал? — Инь Чжоу прищурился, а затем, осознав что-то, весело рассмеялся: — Вы об этом случае с вашим прессом? Ну, бросьте, я же не под одежду к вам залез. Только тогда это можно было бы с натяжкой назвать «извращением».

Он намеренно выделил интонацией слово «натяжка».

Гу Цинсю: — ...

Видя, что Учитель Гу снова лишился дара речи, Инь Чжоу, которому сейчас было выгодно задобрить партнёра, проявил чудеса гибкости:

— Ладно-ладно, раз Учитель Гу говорит «извращение», значит, так оно и есть. Но клянусь: вы — единственный Альфа, в отношении которого я позволил себе подобное «бесчинство». Больше никто не пострадал, так что можете быть спокойны.

— ...

Инь Чжоу торжественно поднял три пальца, подтверждая серьёзность своих слов, и с самым искренним видом уставился на Гу Цинсю. Правда, выдержать этот образ долго не смог: его красивые глаза через пару секунд невольно сощурились в весёлой улыбке.

В конце концов Гу Цинсю не выдержал и тоже негромко рассмеялся, уголки его губ дрогнули и поползли вверх.

Только когда он улыбнулся, Инь Чжоу опустил руку.

Атмосфера между ними мгновенно стала мягкой и непринуждённой.

«В этом парне есть какое-то странное очарование, — подумал Гу Цинсю. — Как бы он ни нахальничал, на него невозможно злиться. Напротив, с ним становится чертовски интересно»

Мужчина усилием воли сдержал улыбку и лениво приподнял веки:

— О, а я-то решил, что ты лично провёл «аттестацию» половины актёрского состава.

— Ни в коем случае! Вы — единственный и неповторимый. Честное слово, посмотрите в мои преданные глаза!

С этими словами Инь Чжоу, опираясь одной рукой о пол, слегка подался вперёд, демонстрируя свой «кристально честный» взгляд.

Сердце Гу Цинсю пропустило удар. Он прикрыл глаза, но затем снова скользнул взглядом по фигуре юноши, чувствуя, как в груди рождается какое-то странное, доселе незнакомое чувство.

Оба они были Альфами в самом расцвете сил. И хотя в кадре царил зима, в реальности лето ещё не спешило уступать место осени. Тяжёлые костюмы и многочасовое стояние под палящими лучами софитов сделали своё дело — оба актёра изрядно вспотели.

Чтобы нанести лекарство, Инь Чжоу расстегнул ворот, обнажая значительную часть шеи и затылка.

Несколько чёрных прядей выбились из его причёски и прилипли к ложбинке между ключицами, невольно приковывая взгляд к чистой, нежной коже, которая всё ещё сохраняла розоватый оттенок.

Если присмотреться, кожа была покрыта тончайшей плёнкой блестящего пота, отчего казалась необыкновенно мягкой и словно сияла изнутри. Тот яркий румянец стыда почти исчез, оставив лишь едва уловимую розовинку, которая в полумраке площадки выглядела неожиданно чувственно.

Глаза Инь Чжоу, всё ещё хранившие отголоски недавней игры в кадре, влажно поблёскивали. Непослушный локон при каждом его движении медленно скользил по шее, выписывая причудливые изгибы.

Видя, что Гу Цинсю молчит и лишь пристально смотрит на него, Инь Чжоу недоуменно позвал:

— Учитель Гу?

Последний слог прозвучал с вопросительной интонацией.

Юноша вовсе не пытался его соблазнить, но его облик сейчас был до крайности притягательным.

В душе Гу Цинсю что-то шевельнулось. Его глаза, словно объектив кинокамеры, медленно «сканировали» образ партнёра, выстраивая идеальную композицию.

Ему вдруг до безумия захотелось самому встать за камеру и запечатлеть Инь Чжоу именно таким.

Но сейчас он был актёром, а не режиссёром.

Он рассеянно хмыкнул, подтверждая, что слышит.

В этот момент Линь Юймин наконец закончил свои приготовления, и его голос из динамиков заставил обоих «очнуться».

— Хорошо! Учитель Гу, Инь Чжоу, вернитесь в исходную позу объятий. Нам нужно снять реакцию Ло Цяня из-за плеча Цинсю, пока тот наносит мазь.

Услышав команду, Инь Чжоу выпрямился и коротко бросил: «Понял», после чего посмотрел на партнёра:

— Учитель Гу?

Он продолжал сидеть на месте, не делая попыток приблизиться. Напротив, он слегка развёл руки в стороны, всем своим видом показывая: «Я жду вас».

Это была демонстративная, почти подчёркнутая вежливость. Юноша явно не хотел первым касаться Альфы, которого только что «оскорбил» своим поведением.

Гу Цинсю на секунду замер, затем подался вперёд и уже поднял руки, чтобы обнять его, как Инь Чжоу вдруг воскликнул:

— Погодите!

Он обернулся к Линь Юймину:

— Режиссёр, затылок ведь в кадр не попадёт?

Линь Юймин сразу понял, к чему он клонит:

— Нет, только твоё лицо и мимика.

— Отлично.

Только тогда юноша снова повернулся к Гу Цинсю:

— Учитель Гу, теперь можете не беспокоиться.

Гу Цинсю прищурился и поправил его:

— Всё как раз наоборот.

Не давая Инь Чжоу вставить и слова, он властным движением притянул его к себе за поясницу, буквально вминая в свои объятия.

Инь Чжоу опешил. Он попытался высвободиться и что-то возразить, но Гу Цинсю одной рукой намертво зафиксировал его талию, а другой придавил плечо, полностью лишая возможности пошевелиться.

Рука, испачканная лекарством, замерла прямо над его железой. Кончики пальцев Гу Цинсю едва касались целебной кашицы, не задевая саму кожу.

Растёртые травы под его пальцами начали смещаться, то и дело слегка задевая чувствительную зону.

Плечи Инь Чжоу мгновенно напряглись.

Альфа негромко рассмеялся, и его низкий голос прозвучал прямо над ухом юноши:

— Так кто из нас двоих сейчас распускает руки? М? Можешь на досуге поразмыслить об этом.

Инь Чжоу судорожно вцепился в его одежду, кожей чувствуя ту властную ауру контроля, что исходила от Альфы.

Будь они за пределами площадки, Инь Чжоу, верный своему характеру, наверняка бы вырвался. Но сейчас вокруг воцарилась тишина — вся съёмочная группа замерла в ожидании мотора.

Он решил не спорить. Уголок его губ на мгновение дрогнул в улыбке и тут же опустился — что ж, на этот раз он уступит.

Юноша позволил своему телу расслабиться и медленно «погрузился» в состояние Ло Цяня.

В разгар съёмок железа снова начала нестерпимо чесаться, но Инь Чжоу, не желая затягивать процесс бесконечными дублями, проявил чудеса выдержки. Сцену сняли с первого раза.

Как только Линь Юймин скомандовал «Снято», Инь Чжоу, даже не дождавшись, пока Гу Цинсю его отпустит, вскинул руку и с силой поскрёб затылок.

Резкая боль в области железы принесла ему долгожданное облегчение — она была куда приятнее того сводящего с ума зуда.

Сделав пару быстрых движений, он попытался подцепить край пластыря для железы, но пальцы, перепачканные скользкой мазью, раз за разом соскальзывали.

Заметив его тщетные попытки, Гу Цинсю нахмурился и обратился к подошедшим Ши Инь и Сяо Ян:

— У вас есть влажные салфетки?

Сяо Ян уже держала упаковку наготове и тут же протянула её актёру.

Гу Цинсю взял салфетку и сам принялся аккуратно стирать остатки трав с затылка Инь Чжоу. Затем он перехватил запястье юноши, убирая его руку от шеи, и вложил в его ладонь чистую салфетку.

— Не торопись. Снимешь, когда вернёмся. Помнишь, что я говорил? Когда будешь отклеивать пластырь в первый раз, приготовься морально. Тяни по чуть-чуть, ни в коем случае не рви резко.

Инь Чжоу, вытирая руки от липкого сока, проворчал:

— Это ещё почему? Разве не лучше отмучиться один раз, чем растягивать удовольствие?

В этот момент к ним подошли двое актёров, уже переодетых в костюмы для следующей сцены. Услышав обрывок разговора, один из них рассмеялся:

— Инь Чжоу, ты что, впервые пользуешься пластырем для железы? Ха-ха! Давно мне не попадались такие «зелёные» новички. Что, пришло время расплаты?

Второй актёр, с аккуратными усиками и весьма солидным видом, добавил более сдержанно:

— Лао Ян, нечего зубоскалить, у каждого бывает первый раз. Инь Чжоу, послушай Учителя Гу, не вздумай срывать его одним махом. Это тебе не обычный пластырь. Тут дело не только в боли: если рванёшь слишком резко, можешь повредить саму железу. После такого, глядишь, вообще больше не захочешь ими пользоваться.

Юноша замер.

Этих двоих он уже видел в группе Гу Цинсю. Оба были опытными актёрами среднего возраста. Тот, что посмеивался, был Лао Ян, а обладатель усиков — Лао Юй.

Актёры поднялись, чтобы поприветствовать коллег.

— Неужели всё настолько серьёзно? — переспросил юноша.

— На самом деле, — подал голос Лао Ян, — в том, чтобы снимать пластырь, есть свой особый кайф.

— Не сбивай парня с толку, он же новичок, — осадил его Лао Юй. — Инь Чжоу, не слушай этого балагура. Думаешь, Учитель Гу станет тебя обманывать? Один раз сам попробуешь — поймёшь. На съёмках мы постоянно потеем, поэтому актёрские пластыри делают на совесть, клей там мёртвый. А железа — место нежное. Так что когда начнёшь снимать — будет больно, уж поверь.

Инь Чжоу с любопытством приподнял бровь:

— А почему тогда Учитель Ян говорит про «кайф»?

Гу Цинсю иронично хмыкнул:

— Так ты из всей тирады только про кайф и услышал?

Он мгновенно принял вид невинного агнца:

— Да я просто спросил, к слову пришлось.

— Вот как?

Вместо ответа парень поднял руку и сложил три пальца в своём уже ставшем привычным жесте.

Гу Цинсю отвернулся, пряча невольную улыбку.

Лао Юй, который не раз работал с Гу Цинсю, заметил эту мимолётную тень веселья на его лице и на мгновение озадачился.

Слова Гу Цинсю вроде бы звучали обычно, но в его тоне сквозила странная фамильярность, почти интимность. А уж эта улыбка...

«Похоже, они действительно сблизились, — подумал ветеран»

— Со временем привыкаешь, — продолжил Лао Юй. — Просто железа... она ведь не такая, как другие части тела.

Он украдкой глянул в сторону: Сяо Ян и Ши Инь о чём-то увлечённо шептались, не обращая на них внимания. Здесь, в кругу одних Альф, можно было расслабиться.

Его солидная мина мгновенно сменилась типично «мужской» ухмылкой. Понизив голос, он заговорщицки произнёс:

— На самом деле, когда привыкаешь, это перестаёт быть просто болью. Ты ведь наверняка уже пробовал массировать железу? Так вот, снимать пластырь — это ещё круче. Это такая гремучая смесь боли, восторга и адреналина... Даже не знаю, как описать. Остро-сладкое чувство, пробирает до костей.

После этих слов Лао Ян и Лао Юй понимающе переглянулись и негромко рассмеялись.

Гу Цинсю: — ...

Инь Чжоу: — ...

Неловкость ситуации была такова, что оба на мгновение лишились дара речи.

Инь Чжоу, проигнорировав замечание про массаж, бросил на Гу Цинсю весьма странный взгляд.

У того едва заметно дёрнулось веко.

— Я ничего подобного не чувствую, — отрезал он.

Лао Ян сделал полшага вперёд и ещё тише добавил, посмеиваясь:

— Да ладно вам, Учитель Гу, здесь же только свои. Все Альфы-актёры через это проходят. Сяо Инь тоже скоро поймёт, в чём соль. Звучит, конечно, немного по-извращенски, но мы же только между собой... Просто решили предупредить парня, чтобы он не пугался боли в первый раз. Верно?

Гу Цинсю: — ...

В глазах Инь Чжоу вспыхнуло неподдельное изумление. Его рука с салфеткой замерла у затылка.

«Ну и ну, — подумал он. — Действительно, извращенцы те ещё. Это что же получается, своего рода... альтернативное самоудовлетворение?»

«Ох уж эти Альфы-актёры, ну и затейники. Значит, каждый раз, снимая грим, они ловят свой маленький кайф?»

«Хм...»

«А в этом что-то есть»

Инь Чжоу снова посмотрел на Гу Цинсю, и в его взгляде ясно читалось: «Ничего страшного, Учитель Гу. Я всё понимаю. У всех свои слабости».

Гу Цинсю: — ...

Он готов был поклясться: его оклеветали самым бессовестным образом. Он никогда не находил в этом процессе ничего приятного. Его феромоны всегда приносили ему лишь проблемы и горечь, но никак не наслаждение.

За всю свою жизнь он ни разу не испытывал даже физиологического влечения к Омегам.

За исключением... того странного случая с Инь Чжоу...

Гу Цинсю едва заметно нахмурился и, прерывая их излияния, сухо произнёс:

— В любом случае, не стоит издеваться над своей железой. Тем более что твой синдром расстройства феромонов ещё не прошёл.

Лао Юй почувствовал, как воздух вокруг внезапно похолодел. Он тут же отбросил шутливый тон и вполне серьёзно добавил:

— Ах да, я и забыл про твой диагноз. При расстройстве железа становится гиперчувствительной. Будь вдвойне осторожен. Как ты сегодня, полегче?

Инь Чжоу замялся:

— Вроде бы. Но сегодня после пластыря всё ужасно чешется. Кажется, началась аллергия.

Лао Ян всполошился:

— Что? Аллергия? Плохо дело. У меня есть знакомый с такой же проблемой. Он хоть и не новичок был, но пластыри клеил редко. И вот как-то после смены забыл его снять, так и уснул. А на следующий день прямо поверх старого ещё один налепил и пошёл сниматься. В итоге за два дня заработал такое раздражение... После съёмов железа распухла, зуд невыносимый, а

снимать — и больно, и страшно, сам так и не решился. Чем дольше тянул, тем хуже становилось. Пришлось просить помощи со стороны. Боже, как он орал! Здоровенный Альфа, а визжал на всю площадку так, что уши закладывало.

— ...Неужели так страшно?

Лао Ян сочувственно посмотрел на Инь Чжоу:

— Такая уж у нас работа: за хорошие деньги приходится терпеть. Даже у здоровых людей первый раз — это всегда мучение, железа ведь одно из самых нежных мест на теле, даже у нас, Альф. А уж с твоим расстройством и аллергией... Слушай, может, тоже попросишь кого-нибудь помочь?

Лао Юй мельком глянул на Гу Цинсю, вспомнив их недавнюю близость в кадре:

— Учитель Гу человек деликатный и внимательный. Может, обратишься к нему?

Инь Чжоу промолчал, вспомнив свои недавние дерзкие обещания перед Гу Цинсю.

— Не нужно, — твёрдо ответил он. — Я... не боюсь боли.

Подумаешь, клочок кожи размером с ладонь. Что там может так сильно болеть?

Не до слёз же, в самом деле.

<http://bllate.org/book/15873/1500344>